

Алексей Николаевич Толстой

Иван да Марья

Десятая неделя после пасхи – купальские дни.

Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь–трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли, глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам–мавкам, и в тихие вечера да в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили–были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышинных заводях, захлопают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься – под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

– Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты – ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...

– Слушаю, братец! – говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой?

Ходит месяц над водой, -

В глыбко озеро взглянул,

В темных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

– Кто тут?

– Выдь к нам, выдь к нам, – говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты – хороводы русалочки.

Русалки–мавки взялись за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! – обступили ее мавки, венок надели...

– К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. – Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

– Здравствуй, Марья, – захрипел водяной, – давно я тебя поджидал... – И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда, – нет сестрицы. И видит – на берегу башмаки ее лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Наступила купальская неделя.

"Уйду, – думает Иван, – к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю".

Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям.

Шел, шел, видит – стоит голая липка, с которой он лыки драл.

"Ишь ты, назад завернул", – подумал Иван и пошел в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

– Наваждение, – испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом:

– Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

– Сестрица, ты ли?

– Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтоб не уходил ты отсюда далеко.

– А нельзя тебе от водяного уйти?

– Можно, найти нужно Полынь–траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван.

"Не упасть бы", – подумал и зацепился за серую тучу – зыбкое место.

Пошел по туче – ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

– Зачем сюда пришел? – заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

– Я за Полынь–травую, – поклонился Иван.

– Дам тебе Полынь–траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

– Счастье твое, – рычит мужичок, – быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь–траву. – И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит – сидит на земле страшный дед, водит усами...

– Пусти, – кричит Иван, – знаю, кто ты, не хочешь ли этого? – И ткнул водяному в лицо Полынь–травую.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь–траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес – на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор, и кличут их всегда вместе – Иван да Марья, Иван да Марья.